

**На правах рукописи
УДК**

ТРОФИМОВА Нэлла Аркадьевна

**АКТУАЛИЗАЦИЯ КОМПОНЕНТОВ СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ
В ЭКСПРЕССИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ
(на материале современного немецкого языка)**

10.02.04 – германские языки

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Санкт-Петербург

2009

Работа выполнена на кафедре германской филологии
ГОУ ВПО Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Галина Андреевна Баева

доктор филологических наук, профессор
Лариса Михайловна Ньюбина

доктор филологических наук, профессор
Новелла Александровна Кобрина

Ведущая организация: Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина

Защита состоится _____ в _____ на
заседании Диссертационного Совета Д 212.199.05 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора наук в Российском государственном
педагогическом университете им. А.И. Герцена по адресу: 191186, Санкт-
Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, корп. 14, ауд. 314.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке
Российского государственного университета им. А.И. Герцена.

Автореферат разослан _____

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.Г. Гурочкина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проблема смысла и его неоднородности лежит на пересечении многих научных изысканий: под ней, кроме среза философских исследований, важных для понимания человеческого существования, творчества, познания, общения, лежит мощный пласт конкретного содержания, представленный такими науками как логика, лингвистика, психолингвистика, когнитивистика. Проблема смысла является, таким образом, неким нервом современной исследовательской мысли, не распутанным еще до конца узлом, отдельные нити которого тянутся к различным научным направлениям.

Понятие смысла нельзя считать окончательно установившимся в науке, оно исторически развивалось, и эта история, по-видимому, еще не закончилась. Тем более актуальным является настоящее исследование, обосновывающее понимание феномена «смысл» как целостного многокомпонентного образования, в котором каждый отдельный компонент обретает определенность через соотношение со всеми другими, через «место», занимаемое им внутри этого целого «смыслового пространства». Элементы смысла взаимообуславливают друг друга, они сливаются, влияют друг на друга таким образом, что каждый из них с необходимостью предполагает всю систему смыслов в целом («смысловое целое» устроено таким образом, что за какой бы единичный смысл мы не «потянули», мы обязательно «вытянем» всю «сеть» взаимообусловленных смыслов).

Обсуждению смысла в таком контексте представляет собой одну из наиболее сложных проблем современной лингвистики, отличающейся расширением «познавательной перспективы», поиском новых, более широких подходов к изучаемому объекту. Экспансионистские тенденции развития лингвистической исследовательской парадигмы определены настоятельной необходимостью изучения языковых явлений с учетом фактора их обусловленности человеком, «присваивающим» себе язык в разных сферах и видах своей деятельности. Такая «человекомерность»

современной лингвистики, ее направленность на интеллект, чувства и волю человека говорящего позволяет по-новому взглянуть на универсальное для языкознания понятие «смысл», процессы его порождения и восприятия, а также на его «обертон» – высказывание, в рамках которого смысл как некая виртуальная мнемоническая сущность превращается в реальность, поддающуюся эмпирическому наблюдению и описанию, в средство эмоционального и интеллектуального воздействия на человека.

За последние десятилетия появился ряд лингвистических научных работ, затрагивающих исследование смысла и его отражения в речи. Так, детально рассмотрен вопрос о разграничении понятий «значение» и «смысл» (В. Матезиус, Э. Кошмидер, Э. Косериу, Г. Фреге, К.И. Льюис, М. Даммит, П. Сгалл, Н.А. Слюсарева, В.А. Звегинцев, Г.П. Мельников А.В. Бондарко, Н.Г. Комлев, А.И. Новиков и др.). О проблемах интенциональности писали С.Д. Кацнельсон, В.М. Павлов, В.Б. Касевич, Е.С. Кубрякова, В.Г. Адмони, И.М. Кобозева, А.А. Масленникова, и др. Достаточно обстоятельно и подробно исследованы некоторые аспекты эмоционального смысла (В.И. Телия, В.И. Шаховский, Мягкова Е.Ю. и др. Достаточно много внимания лингвистами уделяется исследованию модального аспекта смысла (С.Н. Туровская, С.Н. Цейтлин и многие другие).

Вместе с тем в лингвистической теории до сих пор четко не ставилась проблема моделирования смысла и систематизации комплекса языковых репрезентаций смысловой маркированности высказывания. Само понятие «смысл» не является, по сути, лингвистическим термином, объединяющим важные для языка в речи формы, способы и уровни отражения различных аспектов интенционального и психического состояний личности.

Таким образом, **актуальность** исследования обуславливается, с одной стороны, необходимостью заполнения множества лакун в исследовании категории смысл, касающихся, в первую очередь, ее связи с проблемами интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер языковой личности. С другой стороны, актуальность работы определяется выбором в качестве

антропоориентированного объекта исследования группы экспрессивных речевых актов, обладающих большим удельным весом в разных формах познавательной и коммуникативной деятельности человека. Предложенное в исследовании описание универсальной модели смысла и языковых средств актуализации ее компонентов в экспрессивах способствует более глубокому пониманию как частных процессов формирования смысла высказываний, реализующих этот тип речевого акта, так и особенностей процесса конфигурации смысла речевых актов иного типа.

Научная новизна настоящего диссертационного исследования состоит в рассмотрении экспрессивных речевых актов – явления прагматического порядка – в рамках ментально-когнитивной парадигмы. Такой аспект исследования позволил создать и описать новый вариант антропоцентрической деятельностной модели смысла в приложении к экспрессивам – модели, учитывающей сложные механизмы смыслопорождения и смысловосприятия речевых сообщений в их проекции на ведущие антропоцентры коммуникации – говорящего и адресата. На примере различных типов экспрессивных речевых актов показано зависящее от прагматических условий коммуникации варьирование эксплицитной представленности универсальных компонентов в смысловом целом, определена динамика изменения его конфигурации. В исследовании впервые систематизирован и наглядно представлен комплекс речевых средств – операторов порождения и модификации элементарных компонентов смысла, облегчающих адекватную интерпретацию слушающим речевых действий и намерений говорящего в высказываниях, реализующих экспрессивные речевые акты.

Предметом изучения является феномен смысла в совокупности его универсальных компонентов, облигаторно представленных в любом высказывании и актуализируемых в речи посредством разнообразных языковых средств, называемыми в работе операторами порождения и модификации смысла.

Объект исследования – языковая репрезентация компонентов смысла в высказываниях, реализующих экспрессивные речевые акты, закономерности их проявления, их роль в конституировании единого смыслового целого, отражение специфики их формирования в условиях диалогического взаимодействия.

Материал исследования и его источники. Основной эмпирической базой исследования является выборка текстовых фрагментов стилизованной разговорной речи, смоделированной авторами художественных произведений – носителями немецкого языка – с учетом закономерностей диалогического общения. Обращение к литературным текстам продиктовано в первую очередь тем, что они дают возможность рассмотреть проявление особенностей предмета исследования в разных коммуникативно-прагматических пространствах: герои художественных произведений играют различные статусные роли, их общение направлено на сотрудничество или конфронтацию, проходит в официальных или неофициальных условиях и т.д. Иначе говоря, каждое художественное произведение представляет собой концентрацию множества «возможных миров» его героев, прототипами которых являются реальные люди. Такой широкий ситуативный охват невозможен при анализе только записей живой спонтанной речи, ограниченных, как правило, несколькими параметрами ситуации, но являющихся, однако, важным средством проверки валидности результатов анализа и привлеченных поэтому в исследование как второй источник языкового материала (записи спонтанных диалогов, сделанные автором исследования при личном общении с носителями немецкого языка). Значительное количество иллюстративного материала позволяет сделать обобщенные лингвистические выводы, хотя и не может быть полностью отражено текстом диссертации в силу ограниченности ее объема.

Целью настоящего исследования является обоснование точки зрения о многокомпонентной сущности феномена «смысл», а также коммуникативно-прагматическое и дискурсивно-когнитивное описание его

модели в приложении к классу высказываний, реализующих экспрессивные речевые акты.. Для достижения поставленной цели считаем необходимым представить целостную картину комплексной парадигмы смысла и операторов, порождающих его отдельные компоненты.

Осуществление этой цели предполагает решение следующих основных **задач**:

1. Сформулировать теоретические принципы подхода к исследованию категории «смысл» и, реализуя их, создать эмпирическую базу исследования;
2. Проанализировать механизмы когнитивно-эмоциональной интерпретации действительности языковой личностью;
3. Реализовать цикл лингвистических наблюдений, интерпретируя их результаты согласно принятым в работе теоретическим подходам;
4. Максимально полно описать содержательные элементы комплексного смысла, которые представляют собой операционные единицы логического анализа в данном диссертационном исследовании;
5. Показать роль компонентов смысла в единстве и ее динамическую зависимость от типа речевого акта и прагматической ситуации;
6. На материале немецкого языка разработать комплекс конкретных методик исследования отдельных элементов целостного смысла высказывания;
7. В приложении теории смысловой многокомпонентности высказывания к экспрессивным речевым актам немецкого языка очертить круг и пути исследования сопряжения смыслопорождающих и модифицирующих средств языка;
8. Определить закономерности проявления и варьирования элементарных смыслов в высказываниях, реализующих различные типы экспрессивных речевых актов;
9. Уточнить приемы, представить образцы и наметить перспективы исследования дискурса функционирования высказываний, реализующих экспрессивные речевые акты.

Основные методы исследования. Исследование построено на индуктивном методе анализа: от конкретных языковых фактов к установлению системных отношений между ними и обобщению, формулировке на этой основе теоретических положений и выводов. Сложность объекта и приоритет интеграции лингвистических дисциплин в процессе исследования диктуют применение комплексной методики когнитивно-прагматического анализа, включающей элементы структурных (дистрибутивный, таксономический анализ), конструктивных (моделирование, трансформационный анализ), а также общефилологических (идентификационный, контекстуальный, интерпретативный анализ) методов. В качестве сопутствующих методик в исследовании применяются сочетаемостный и валентностный анализ, элементы методики частотного и этимологического анализа лексических единиц. Применение комплексной методики обеспечивает многоаспектный контроль полученных результатов.

Теоретическую базу исследования составили:

– труды основоположников и последователей теории речевых актов и прагматики Л. Витгенштейна, Дж. Остина, Дж. Серля, Д. Вундерлиха, П. Грайса, Дж. Лича, З. Вендлера, Г.Г. Почепцова, И.П. Сусова и др.;

– работы философов Г. Фреге, Э. Гуссерля, М.М. Бахтина, Р.И. Павлениса и др., занимавшихся разработкой многих вопросов философии языка, создавших в том числе теоретический фундамент для исследования феномена смысла;

– основополагающие работы зарубежных и отечественных теоретиков языка Ш. Балли, Э. Бенвениста, А. Вежбицкой, В.Г. Адмони, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А.В. Бондарко, Е.М. Вольф, В.Г. Гака, Г.В. Колшанского, С.Д. Кацнельсона, Е.С. Кубряковой, В.Н. Телия и др., внесших огромный вклад в разработку кардинальных проблем современной лингвистики, релевантных для целей настоящего исследования;

– труды известных психолингвистов Т.А. Графовой, А.А. Залевской, И.А. Стернина, Н.В. Уфимцевой, А.М. Шахнаровича, В.И. Шаховского и др.,

занимавшихся разработкой теории психофизиологических состояний и способов их отражения в языке;

– идеи таких психологов, как Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, К. Изард, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, В.К. Вилюнас и др., разрабатывавших концепции эмоционального строя личности;

– работы социолингвистов Дж. Лича, П. Браун, С. Левинсона, С.М. Эрвин-Трипп, Е. Гоффманна, П. Вацлавика, К. Адамчика, Ф. Коулмаса, В.И. Карасика, Н.И. Формановской и др., занимающихся проблемами интеракции, а также разработкой теории вежливости и статусной маркированности общения.

Теоретическое и практическое значение диссертационной работы заключается в том, что она вносит вклад в разработку одной из важнейших теоретических проблем современной лингвистики – проблеме смысла. Основные положения и выводы работы способствуют включению ведущих параметров описания этого феномена в исследовательский арсенал антропоцентрического подхода.

К теоретически значимым достижениям следует также отнести осмысление многокомпонентности смысла как одной из лингвистических категорий. Такое расширение предмета лингвистики обусловлено «человеческим фактором» и новым взглядом на эмпирический материал в дискурсивно-когнитивном и функционально-прагматическом аспектах. Предложенная в исследовании качественно новая ступень форматизации смысла открывает возможность дальнейшего изучения языкового материала как способа вербализации когнитивно-психологического ментального пространства человека. Разработанная процедура аналитического подхода к изучению смысла высказывания может быть применена в исследовании любого фрагмента речевого произведения.

В диссертации решаются теоретические проблемы соотношения интенционального, пропозиционального и эмотивного смыслов, вербализованных с помощью специальных разноуровневых операторов.

Разрабатываются способы выявления и идентификации образов мышления, воплощенных в экспрессивных высказываниях. Выводы о структуре смыслового комплекса экспрессивов могут быть полезны в дальнейшей разработке теории речевых актов и речевых жанров.

Результаты исследования могут использоваться в вузовской практике при подготовке лекционных курсов и спецкурсов по лексикологии, стилистике, психолингвистике и культуре речи, по проблемам языковой личности и по другим проблемам в рамках современных направлений исследования языка.

Положения, выносимые на защиту.

1. Модель смысла высказывания представляет собой многослойно-многокомпонентное образование с подвижными универсальными элементами – единичными смыслами, взаимодействующими между собой, меняющими свое положение и, следовательно, значимость в зависимости от актуального языкового и внеязыкового контекста. Конституирование феномена «смысл» детерминируется волей, эмоциями говорящего, его мнением-оценкой соответствующего положения дел, а также его отношениями с партнером.

2. Набор обязательных универсальных, специфически структурированных компонентов целостного смысла любого высказывания, в том числе высказывания, реализующего экспрессивный речевой акт, включает, кроме пропозиции и интенции (смысловой «базис высказывания»), также эмоциональный, оценочный и реляционный (отношение говорящего к адресату) компоненты, объединяемые в эмотивный комплекс. Элементы эмотивного смысла, находясь в постоянном движении и взаимодействии друг с другом, «надстраиваются» на пропозиционально-интенциональный базис и создают в своей совокупности когнитивно-прагматическое своеобразие экспрессивов.

3. Взаимосвязь обязательных компонентов смысла высказывания, реализующего экспрессивный речевой акт, носит иерархический характер:

под влиянием прагматических условий коммуникации и специальных языковых средств одни компоненты играют доминирующую роль, а другие на их фоне становятся менее значимыми. Но и при варьировании соотношения доминирующих и периферийных компонентов смысла сохраняется основная конфигурация смыслового целого, характерного для экспрессива.

4. Класс экспрессивных речевых актов неоднороден: объединяемые в нем на основе общего перлокутивного эффекта (оказание эмоционального воздействия на партнера) и интенции (выразить чувства говорящего по отношению к адресату) группы социативов и инфлуктивов характеризуются различной степенью социальной «ритуальности», определяющей, в конечном счете, специфические особенности формирования их смысла.

5. Социативы – извинение, поздравление, пожелание – тесно связаны с регламентированными обществом формами взаимодействия – в том числе и речевого, что обуславливает доминирование в структуре их смысла интенционального и реляционного компонентов, для актуализации которых служат перформативные глаголы и обращения. Пропозиция в социативах является лишь поводом для выражения уважительного отношения к адресату, оценка – фоном для реализации интенции, а эмоциональный компонент, как правило, совсем нейтрализован в соответствии со строгими правилами ритуального общения.

6. Модель смысла инфлуктивов – высказываний эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия (комплимент, похвала, инвектива, порицание) – трансформируется таким образом, что в ней на равных позициях находятся две доминирующие «вершины» – не эксплицируемый, но всегда подразумеваемый интенциональный комплекс и триединый эмотивный смысл, актуализация которого происходит благодаря комплексу специальных лексических средств, специального порядка слов и синтаксических структур аффективной речи. Пропозиция в инфлуктивах

играет вспомогательную роль, являясь лишь средством реализации основной интенции – оказать эмоциональное воздействие.

7. Важным фактором при определении «места» компонента смысла в рамках целого при реализации того или иного типа экспрессива является прагматическая компетенция, «поддерживаемая» широкой системой речи; она включает знание и использование контекстообусловленных сигналов превалирования элементарного смысла, способность к небуквальной интерпретации действительности и коммуникативно-ролевой опыт.

Апробация работы. Основные положения диссертации прошли апробацию в виде докладов, сообщений на межвузовских, региональных, общероссийских и международных конференциях, проведенных вузами гг. Москва (2007, 2008), Санкт-Петербург (2006, 2007, 2008), Пушкин (2006), Смоленск (2006, 2007), Екатеринбург (2008), Иркутск (2006), Ульяновск (2008), Чебоксары (2004, 2007). Результаты исследования отражены в 46 публикациях по теме диссертации общим объемом 48,5 п.л.

Объем и структура работы определяются целью и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка.

Во **введении** определены объект и предмет исследования, обоснованы его актуальность и новизна, представлены положения, выносимые на защиту, и гипотеза, отмечены теоретическая и практическая значимость, описан материал и методы исследования.

В **первой главе**, посвященной рассмотрению феномена смысла, анализируются исторически сложившиеся парадигмы исследования смысла, основные понятия его деятельностной парадигмы, обосновывается мнение о многомерности этого феномена и представляется многослойная смысловая модель. Значительная часть главы отведена описанию языковых элементов, порождающих те или иные элементарные смыслы при функционировании высказывания в диалогическом общении.

Во **второй** главе приводится обзор точек зрения на природу объекта исследования – экспрессивных речевых актов, рассматриваются мнения о месте экспрессивов в традиционных классификациях речевых актов, о сути и составе класса, обосновывается широкое понимание последнего и выделение в нем подклассов социативов и инфлуктивов, а также представляются основные достижения в области исследования экспрессивов.

Третья и четвертая главы представляют результат эмпирического исследования актуализации элементарных смыслов в речевых актах двух подклассов экспрессивных высказываний – социативах, этикетных речевых актах (3 глава) и инфлуктивах, речевых актах эмоционального воздействия (4 глава). Описание представляемых речевых актов (извинения, пожелания, поздравления, комплимента, похвалы, инвективы и порицания) отражает принятую в работе схему анализа – от общей когнитивно- прагматической характеристики и выявления специфики их позиции в составе диалогического единства к определению конфигурации их речевого смысла и роли отдельных элементарных смыслов в его составе.

В **заключении** обобщаются результаты проведенного исследования, излагаются основные выводы и намечаются направления дальнейшей разработки проблемы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Феномен смысла. Основные теоретические положения» открывается размышлениями о значимости рассматриваемого феномена и причинах, затрудняющих его однозначное определение – нечеткости, вариативности, изменчивости, субъективности, а также неформализуемости, невозможности непосредственного наблюдения этого явления. Далее речь идет о соотношении понятий «смысл» и «значение» в лингвистике, наиболее употребительными критериями которого выступают характеристики языка и речи («Значение – внутри языка, смысл – вне языка»

[Звегинцев 1973: 174]), а именно: с одной стороны, виртуальность и денотативность свойственного каждому отдельному языку значения, с другой стороны – актуальность и коннотативность универсального смысла.

Дихотомия «значение»–«смысл» установлена давно, к ее исследованию обращались многие именитые ученые. О соотношении языкового и мыслительного содержания писал, например, А.В. Бондарко, подчеркивая, что языковое семантическое содержание включает в себе определенный способ представления мыслительного содержания, которое выражено средствами данного языка, структурировано языковыми единицами и их соотношениями, социально объективировано в данном языковом коллективе [Бондарко 2001: 57]. О проблеме соотношения знака и значения задумывались Г.П. Мельников (значение лежит в основе создания смысла, который в любом акте коммуникации является величиной вариативной, нередко уникальной, тогда как значение во всех случаях инвариантно, обязательно, узуально и в таком понимании – надситуативно) [Мельников 1978: 54], Н.Г. Комлев (значение – относительно постоянный, относительно объективный и относительной единый компонент для всех членов коллектива; смысл – это постоянно меняющееся явление, количество смыслов практически безгранично) [Комлев 2003: 93] и многие другие лингвисты и философы.

Диахроническое развитие концептуальных исследований смысла и его связи со значением насчитывает несколько десятилетий, в течение последовательно формировались и сменяли друг друга три парадигмы исследования этого виртуального, но одновременно очень реального явления. В первой из них – словоцентристской, представленной работами Г. Фреге, Ч. Филлмора, М.М. Бахтина, Ю.Д. Апресяна, И.А. Стернина, И.М. Кобозевой и др. – за элементарную единицу смысла принимается слово, все остальные смыслы лингвистических выражений (предложение, фраза, текст) рассматриваются как производные от смысла составляющих их слов. Вторая, пропозициональная парадигма, сформировавшаяся по мере выхода

на передний план высказываний, в которых формулируются, проявляются и обогащаются смыслы слов, принимает идею о том, что исходной и наименьшей единицей смысла является предложение, состоящее как минимум из имени (предмета) и соответствующего ему предиката (свойства). Эта парадигма позволяет обнаружить тонкую органику смысла предложения, который возникает в результате взаимодействия целого ряда языковых факторов, к числу которых относятся конкретные слова, синтаксические структуры, грамматические правила языка. Однако конкретный смысл предложения не сводится ни к совокупной сумме значений составляющих его лексических единиц, ни к «чистому» конструктивному значению без учета семантики конститuentов конструкции. Слабая сторона пропозициональной парадигмы заключается в ограничении смысла базисной схемой, прототипическим смыслом, без внимания остается живая речь, реальное общение, где всякое высказывание произносится говорящим с намерением достигнуть определенной цели, воздействовать на слушающего в желательном направлении. И здесь принципиально важным для успеха в достижении коммуникативной цели оказываются все прагматические устремления коммуникантов. Осознание необходимости учета контекста общения, модальностей, прагматических целей коммуникантов заставило исследователей обратиться к анализу реальных высказываний коммуникантов, т.е. описанию своего объекта в динамическом, деятельностном аспекте.

Новая, деятельностная парадигма смысла, сформулированная в общих чертах в работах британского философа Дж. Остина и его американского коллеги Дж. Серля [Остин 1999; Серль 1986], погружает смысл в межличностные отношения, с этих позиций коммуникация рассматривается как осмысленная деятельность в человеческом мире. Во главу угла ставится принцип антропоцентризма, реализующийся в понятиях «субъективность в языке», «человек в языке» и «язык в человеке». Эвристичность деятельностной концепции языка заключается в том, что она позволяет

увидеть иные, не охватываемые пропозициональной парадигмой аспекты и грани смысла, рождаемые в процессе речевой деятельности.

Деятельностная парадигма смысла как направление лингвистической науки располагает собственным понятийным аппаратом и набором единиц и инструментов исследования. Ее ядром является речевой акт – то самое «слово как действие», речевой механизм «приведения языковой системы в действие через индивидуальный акт употребления» [Бенвенист 2002: 312]. Языковой репрезентацией речевого акта является высказывание, понимаемое как функциональная единица, смысл которой выявляется при актуализации некоторой языковой структуры (предложения) в конкретных условиях коммуникации, при этом языковая модель подвергается различным функционально обоснованным изменениям, преобразованиям, усложнениям. Высказывание не ограничивается «классическим» вариантом, равным по длине предложению, в широком понимании – это законченный отрезок речи, объединенный одной интенцией или – чаще – единым интенциональным комплексом, характеризуемый единой смысловой структурой, не обязательно ограничивающийся одним, а охватывающий несколько предложений. Высказывание выступает одновременно и как продукт речевого акта, и как инструмент достижения определенной цели.

Важным для реферируемого исследования является понятие интенции (коммуникативного намерения) говорящего, которая представляет собой, в свою очередь, часть логической структуры иллокутивного акта, «базисное понятие, вокруг которого группируются разные способы использования языка» [Серль 1986б: 194]. Она (интенция или иллокутивная цель) определяет тип речевого действия, которое производится с помощью иллокутивного акта. Не менее важна и еще одна составляющая логической структуры иллокутивного акта – условие искренности или психическое (интенциональное) состояние говорящего, в котором, по сути, проявляется мотивация речевого акта, логически предпосылаемая цели (или смыслу самого действия) и согласуемая с ней. В этом и проявляется искренность

иллокуции, ведь нелогично желать одного, а делать совсем другое. Следовательно, мотив, как действительно испытываемое психическое состояние является субъективным условием реализации речевого акта, основанием для действий субъекта и в общем случае выражает осознанную нужду в чем-либо.

Со способом реализации интенции связано понятие косвенности, когда, по Серлю, буквально сказанное выражает нечто другое, нежели то, что имел в виду говорящий [Searle 1982: 31], а осмысление высказывания в качестве косвенного происходит на уровне логического вывода, осуществляемого на основе разнородного комплекса данных, как лингвистических, так и экстралингвистических.

Решение многих проблем, касающихся живой речи (косвенности и «несерьезных» способов реализации языковых действий – намёков, шуток, острот и т.п.), возможно только при учете особенных характеристик диалогической речи – основной и самой естественной формы общения, в которой проявляются черты характера, убеждения, эмоции коммуникантов, создаются смыслы.

В узком смысле диалог определяется как взаимодействие, типы которого (кооперативный и конфликтный) выделяются в соответствии с принципами речевого общения и рассматриваются как процесс развития отношений субъектов, формирования их оценок, эмоций, смыслов под влиянием друг друга (роль играют социальные роли партнеров, различные социальные параметры, степень официальности и другие характеристики).

Основной единицей диалога является акт речевого взаимодействия, соответствующий однократному обмену репликами, целенаправленной акцией и целесообразной реакцией, который мы традиционно называем диалогическим единством. Реплика/речевой ход может состоять из нескольких иллокутивных актов, один из которых (обязательный) доминирует и определяет интенциональный смысл всего речевого хода.

Подчиненные элементы служат для поддержки, оправдания, подготовки или аргументации доминирующего акта.

Более глубокое осознание диалогических явлений возможно при рассмотрении их в ситуации общения, предполагающей специфические коммуникативные практики и когнитивные стереотипы. На выбор коммуникативной стратегии в определенной ситуации общения оказывают влияние социальные роли участников общения, знание правил социального, этикетного взаимодействия, а также психологические роли как способы самовыражения собеседников, степень их расположенности к общению в предложенных позициях.

Многогранная ситуативная информация, являющаяся фоном процесса общения, задает комплексный характер смысла высказывания, представляющего собой универсальный набор смежных единичных смыслов, взаимодействующих между собой, меняющих свое положение и, следовательно, значимость в единстве в зависимости от прагматической ситуации, обнаруживающих при малейшем изменении конфигурации ее элементов новые перспективы и смысловые нюансы. Упорядоченный некоторым образом набор специфически структурированных компонентов включает:

- пропозициональный смысл – элементарный смысл высказывания, его своеобразный фундамент, формулирующий определенное положение дел в возможном мире;
- интенциональный смысл, вернее, сложный интенциональный комплекс, естественно дополняющий пропозициональное содержание, поскольку каждый речевой акт произносится говорящим с определенным намерением воздействовать на слушателя в желательном направлении;
- так называемое психическое состояние, эмотивный смысл, надстраивающийся на единство пропозиции и интенции. Этот компонент, в свою очередь, имеет сложносоставный характер и делится на следующие составляющие:

- оценочный смысл присутствует как компонент смысла высказывания всегда, но имеет особенности выражения в разных типах речевых актов;

- эмоциональный смысл, как правило, сопровождающий выражение оценки, особенно индивидуальной. Чем сильнее интересы затронуты партнеров, тем более действенна оценка и тем больше речевой акт влияет на эмоциональное состояние адресата;

- реляционный (субъективный) смысл, не-нейтральное отношение говорящего к адресату – неявное в смысле, о котором слушающий может делать лишь некоторые предположения, исходя из стереотипных установок о том, что чувствуют или как ведут себя люди в определенных обстоятельствах.

Пропозиционально-интенциональный и эмотивный блоки целостного смысла «прослаивают» модальный смысл, который, с одной стороны, модифицирует логическое содержание высказывания (объективная и ситуативная модальности), с другой стороны, является частью «надстроечной» части модели смысла (субъективная модальность);

- окказиональные смыслы, обусловленные специфической ситуацией общения во взаимодействии с отдельными элементами высказывания;

Все названные компоненты целостного смысла обрамляет прагматическая компетенция, определяющая выбор языковых форм, соответствующих ситуации общения. Она характеризуется осведомленностью говорящего о положении дел в целом – об участниках и их ролях в обозначаемом событии, о презумптивных сведениях слушающего, о его социально-ролевом статусе и т.д. Отсутствие у говорящего прагматической компетенции приводит к прагматическим неудачам: неправильная оценка ситуации ведет к неверной стратегии речевого акта, что может вызвать неадекватную реакцию в виде возникновения (или усугубления) конфликта.

Для экспликации названных макрокомпонентов смысла высказывания язык развил определенную систему средств, которые в исследовании

называются операторами порождения и модификации. Это своего рода вербальные ключи, шифры, открывающие потайные дверцы смысла, «привязывающие» его к ситуации акта речи, они управляют процессом коммуникации, выражая пресуппозиции, мнения партнеров.

При всем многообразии операторов-экспликаторов и -модификаторов смысла они принципиально обозримы, легко группируются и типизируются по разным основаниям. В реферируемом исследовании в качестве классификационного критерия принимается принцип функциональной доминантности оператора при формировании определенного смыслового слоя, его своеобразной специализированности на выполнении этой роли. Важным замечанием является при этом указание на факт, что все операторы действуют не в одиночку, а только в совокупности, их отнесение к той или иной группе факторов порождения смысла условно и является лишь приемом для решения поставленных в исследовании задач.

В соответствии с названным критерием операторы делятся на группы

- операторов порождения (модификации) пропозиционального смысла (программы семантической согласованности, лексической сочетаемости, синтаксического управления),

- операторов порождения и модификации интенционального смысла (перформативные глаголы и перформативные формулы, коммуникативные типы предложения, речевые стратегии косвенного выражения интенции) и его модальной модификации (модальные глаголы, частицы и слова),

- операторов порождения и модификации эмотивного смысла (эмоционально-оценочная лексика, междометия, обращения, специальные синтаксические структуры, эмфатический порядок слов).

Операторы порождения эмоционального, оценочного и реляционного смыслов рассматриваются нами в совокупности (как маркеры триединого эмотивного смысла) в связи с их многофункциональностью, делающей невозможным и нецелесообразным их «разведение» в разные группы: средства выражения оценки всегда актуализируют эмоциональный

компонент и свидетельствуют о не-нейтральном отношении говорящего к адресату,

Вторая глава рассматривает объект исследования – экспрессивные речевые акты. В ней представлен аналитический реферат точек зрения лингвистов на сущность этой категории языковых явлений. Основная цель, которую ставил перед собой автор, – показать множественность и вариативность концепций экспрессивов в современной лингвистике, а также обосновать правомерность выделения самостоятельного класса экспрессивных речевых актов, самую общую суть которых можно сформулировать следующим образом: говорящий искренне произносит некоторое высказывание в присутствии адресата, манифестируя некоторое эмоциональное состояние или эмоциональное отношение и выражая некое пропозициональное содержание, относящееся к адресату (касающееся адресата или за которое адресат несет ответственность).

При реализации речевых актов, относимых к классу экспрессивов, варьируется выполнение условия искренности: в связи с повторяемостью ситуаций их употребления прототипные, искренние речевые акты часто превращаются в формулы, за которыми не стоит выражение сильных эмоций, которые произносятся машинально, потому что «так принято». Но этот факт не является достаточным основанием для выведения конвенциональных ритуальных речевых актов за рамки экспрессивов, в реферируемой работе они рассматриваются как варианты ядерных экспрессивов, их искренность проявляется ситуативно, но всегда предполагается. При таком понимании можно определить, насколько нейтрализовано первичное прототипное значение, какое дополнительное значение реализует высказывание, в каком соотношении они находятся между собой.

Определение однозначных границ рассматриваемого класса речевых актов затруднено разнородностью самих экспрессивов (выражение чувств и отношений варьируется в самых широких пределах). Автор реферируемой

работы придерживается точки зрения, что общность перлокутивного эффекта (оказать «эмоциональное воздействие на слушателя, основанное на одобрении и порицании в широком смысле слова») и интенции – выразить чувства (положительные или отрицательные) говорящего по отношению к адресату объединяет в единый класс группу **социативов** – речевых актов признания адресата членом одной с говорящим социальной группы, выражаемого в определенных стандартных ситуациях (*приветствие, прощание, извинение, положительное пожелание/тост/благословение, поздравление, благодарность, соболезнование/сожаление, сочувствие*), и группу **инфлуктивов** – речевых актов выражения эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия, к которым говорящий прибегает как к санкциям, регулирующим исполнение адресатом своих социальных и межличностных ролей (*похвала, комплимент, лесть, порицание, оскорбление, негативное пожелание*).

Экспрессивные речевые акты имеют особую социальную значимость в процессе межличностной коммуникации и являются поэтому популярным объектом исследования, но, несмотря на отдельные успехи и достижения в области их изучения, осталось еще множество лакун, ждущих заполнения исследованиями интенций говорящего субъекта, воплощаемых в экспрессивах, взаимодействия коммуникантов, влияния коммуникативной ситуации, а также психолого-лингвистических особенностей языковой личности. Проведенный в работе детальный анализ семантических и прагматических особенностей экспрессивных речевых актов призван заполнить некоторые из таких лакун, пополнить собрание эмпирических исследований экспрессивов, обобщив и интегрировав уже изученное.

Третья глава посвящена анализу формирования смысла в высказываниях, реализующих социативные речевые акты, называемых «ритуалами статуса», поскольку они содержат элемент почтения, с помощью которого адресату регулярно сообщается об уважительном отношении к нему [Goffmann 1973: 55]. Оказание партнеру знаков внимания было даже

возведено в принцип [Leech 1983: 82], который в применении к речевой коммуникации определяется как особая стратегия речевого поведения, направленная на предотвращение возможных конфликтных ситуаций и реализуемая с помощью различных правил и тактических приемов.

Анализ наиболее показательных социативных речевых актов – извинения, положительного пожелания и поздравления – показал, что большинство социативов действительно в той или иной степени подчинены правилам и повторяют с незначительными модификациями то, что уже бесчисленное количество раз повторялось членами языкового сообщества в типизированных ситуациях. Поэтому коммуникативные акты, в которых совершаются социативные речевые действия, протекают, как правило, шаблонно, заученно. Порядок следования и структура отдельных речевых шагов заранее заданы центральной схемой соответствующих ритуальных действий. Это обуславливает и их языковое воплощение – коммуниканты пользуются стереотипными речевыми моделями, языковые формы которых отточены в течение столетий, они освобождают говорящих от необходимости внимательно следить за отдельными ступенями коммуникативного акта, речевой акт осуществляется автоматически, почти бессознательно. При этом ритуальный характер общения имеет преимущества не только для говорящего, но и для адресата: привычное языковое оформление высказываний требует меньше затрат на их декодирование.

В повседневном общении социативы являются «мягким» методом регулирования отношений, средством «смазывания» социального механизма, оказания влияния, воздействия, тем более эффективного, чем более партнер нуждается в поддержке своего лица. Этой особенностью социативов объясняется их преимущественно инициативный характер в интеракции, они, как правило, являются реакцией на внешний стимул, осуществляются как бы «вне речевого контекста» (извинение является реакцией на нанесение адресату ущерба, пожелание и поздравление произносятся по поводу

соответствующих событий в жизни адресата). Реакции собеседников на социативные речевые акты (минимизация ущерба, принятие извинения, благодарность за пожелание, взаимное поздравление) тождественны, ожидаемы, их отсутствие нарушает конвенции речевого общения и порицается.

Социативные речевые акты служат говорящему, как правило, для выражения нескольких интенций, таким образом, социативы реализуют более или менее сложный интенциональный комплекс, где на ведущую интенцию накладываются прочие, придающие высказыванию оригинальность и искренность, оказывающие соответствующего воздействия на слушающего.

Анализ конституирования смысла различных представителей класса социативов приводит к выводу о доминировании в нем интенционального компонента, эта часть смысла высказывания является самой важной для реализации социально заданных регулирующих правил кооперативного речевого поведения, она показывает его готовность к контактоподдержанию, его принадлежность к социализированным членам общества.

Набор средств актуализации интенционального смысла в социативах ограничивается соответствующими перформативными глаголами и синонимичными им перформативными формулами: *entschuldigen*, *verzeihen um Entschuldigung/Verzeihung bitten* или номинализации *Verzeihung*, *Entschuldigung* при извинении, *wünschen* при пожелании, *gratulieren* или *Glückwunsch* при поздравлении. Эти эксплицитно-перформативные средства в большинстве случаев употребления социативов функционируют самостоятельно (*Verzeihung! Entschuldigen Sie! Herzliche Glückwünsche!*), лишь иногда модифицируясь интенсифицирующими или модализирующими операторами (модальными глаголами, наречиями образа действия), рождая новые окказиональные нюансы смысла как, например, вынужденность извинения, которое не было бы произнесено в других прагматических условиях: *Ich würde mich wohl entschuldigen müssen* – фраза, произнесенная высокомерным директором музея, из которого была произведена кража, и

адресованная работнику сыскной полиции, в деловых качествах которого он напрасно сомневался.

Вербальная выраженность только иллокутивной части большинства социативных высказываний подчеркивает важность интенционального компонента их смысла. Факт нематериализованности пропозиционального смысла не исключает, однако, его виртуального присутствия. Он находится в периферийной части единого смысла, подразумевается, вытекает из контекста. Строгие рамки ритуала не предполагают, даже не допускают пространности при назывании повода для совершения социатива. Да и суть социатива состоит в оказании почтения собеседнику, а для этого, в общем, важен не столько повод, сколько сам факт совершения речевого «поглаживания». Выход за рамки ритуала, формул, конвенций вносит элемент персонализации в ситуацию общения, свидетельствует об особо теплом, сердечном отношении говорящего к партнеру, то есть выводит на передний план реляционный компонент смысла. Ср. произносимое «на бегу» клише *Verzeihung!* и искреннее раскаяние в нанесении адресату ущерба *Verzeih mir, Pedro, ich kann nicht anders. Ich habe dich abglenkt, ich wäre schuld an allem gewesen, was hätte passieren können.* Или формальное поздравление *Glückwunsch!* и искреннее поздравление говорящего, восхищенного достижениями адресата: *Und da es die Stunde der Glückwünsche ist, wollen wir dich auch dazu beglückwünschen, dass du unter uns bist, dass du in Sicherheit bist, dass es gelang, dir im letzten Augenblick den Weg zu uns zu bahnen.*

Общая конфигурация фундаментальных смыслов конвенциональных социативов (вербальная выраженность интенционального и «скрытость» пропозиционального смыслов) имеет отклонения в речевых актах пожелания: обязательная валентность глагола *wünschen* на пропозицию обуславливает невозможность опущения последней (высказывание **Ich wünsche Ihnen!* семантически недостаточно). Поэтому наиболее частотным вариантом полной канонической формулы *Ich wünsche dir/Ihnen X!* являются высказывания с имплицитно-перформативной представленностью

иллокутивной части, в которых материализовано только пропозициональное содержание, именно оно обладает исключительной значимостью при выражении пожелания и является несущей опорой при конституировании его смысла.

Вербализованная пропозиция высказываний пожелания представляет собой либо ритуальные клише, автоматически выдаваемые сознанием в релевантной ситуации (*Viel Glück! Alles Gute! Guten Appetit! Gute Reise!* и под.), либо индивидуализированные пожелания, вряд ли исчислимое многообразие которых умножается включением в рассмотрение речевых способностей и умений говорящего, прагматической ситуации (торжественность, праздничность контекста пожелания). Примерами индивидуализированного пожелания могут быть, например, высказывания *Ich bin sehr unbescheiden. Ich wünsche mir sehr viel, aber vor allem, dass wir solche Augenblicke noch oft erleben, Daniel, mein Liebster!* – пожелание беспредельности счастливых минут с любимым человеком; *Hoffentlich findest du in den Hafen der Ehe. Ich würd es dir wünschen* – пожелание хорошему другу устроить, наконец, свою личную жизнь.

Анализ особенностей актуализации элементов «трехглавого» эмотивного смысла в социативах показал их неравнозначную представленность в доминирующей позиции. Оценочный смысл «спрятан», как правило, в глубинных слоях целостного смысла высказывания и не выводится в вербализованную часть. Причиной этому является исключительный объем выражаемого интенционального смысла, который заполняет все «уголки» поверхностного смыслового слоя, не допуская, но предполагая другие элементы. Кроме того, ситуации произнесения извинений, поздравлений и пожеланий конвенциональны и предполагают совершенно однозначно определенную оценку положения дел – повода для их совершения: извиняются за небенефактивные для адресата действия (*Verzeih mir, Vater, weil ich den Ast abgebrochen habe* – извинение за причинение материального ущерба); поздравляют, выражают пожелания по

поводу событий, положительно квалифицируемых адресатом и его окружением (*Ich wollte dir nur gratulieren. Mit deiner Bäuerin kannst dich wahrlich sehen lassen* – поздравление касается важного события в жизни адресата – его женитьбы). При нарушении конвенций и произнесении, например, поздравления по поводу, оцениваемому адресатом отрицательно, речевой акт заранее обречен на неудачу – он будет рассматриваться как саркастический, ликоущемляющий акт и может привести к конфликту. Такая априорная квалификация выраженного в пропозиции событийного фона делает вербализацию оценочного смысла избыточной.

Особенность актуализации эмоционального смысла при совершении социативных речевых актов заключается в том, что выражение эмоций сдерживается рамками ритуала, имеющего четкие правила и определяющего регламент общения. Поэтому эмоциональный смысл (так же, как и оценочный) остается чаще всего не востребуемым и находится в ситуативно «невывешенной» части смыслового единства, хотя и в степени готовности к актуализации при первой необходимости. Открытое выражение эмоций выводит речевое действие за границу конвенционального, того, «как принято» и позиционирует его в сферу искренней просьбы о прощении, восторженного поздравления или радостного пожелания.

Редкими примерами эмоционализации социативов являются высказывания, включающие некоторые модифицирующие операторы как наречия *wirklich, ehrlich, echt, aufrichtig*, использованием которых говорящий заверяет адресата в искренности испытываемых им чувств (*Ich entschuldige mich aufrichtig!; Ein bisschen verspätet, aber dennoch von Herzen: meine allerherzlichsten und liebevollsten Wünsche zu deinem Geburtstag!*).

Эмоциональный смысл переходит в категорию приоритетных и меняет соответственно конфигурацию единого смысла в высказываниях благословения как *Gott möge schützend über Ihrem Leben stehen!* или *Behüt dich Gott, Vater!*, которые являются стилистически маркированными вариантами, формами с высокой степенью торжественной вежливости.

Подобные пожелания-благословения до сегодняшних дней сохранили сакральный характер и, несмотря на их частое употребление «всуе», они являются важными операторами порождения эмоционального смысла, выражают значимость речевого действия для самого говорящего и желаемую действенность его для адресата.

Самым важным элементом эмотивного смысла в социативах является выражение отношения говорящего к адресату, которое определяется как максимальное уважение, отличающее их от всех других речевых актов. При отсутствии уважения социативы просто не произносятся, в этом случае происходит нарушение этикета, которое свидетельствует либо о намеренном нарушении общественных норм (создается новая грань смысла), либо о недостаточной прагматической компетенции говорящего. Важным вербальным средством актуализации реляционного (часто тесно сплетенного с эмоциональным) смысла являются обращения, которые формально нарушают закон языковой экономии – название адресата в условиях непосредственного общения избыточно, но одновременно подчеркивают ориентированность высказывания на адресата, свидетельствуют о расположении говорящего к последнему, являются вербальным «касанием», «поглаживанием»: *Entschuldige, Papa. Das Gereede führt zu nichts*. Кроме того, обращения значительно индивидуализируют ритуальное высказывание, снижают степень его формальности, клишированности, особенно в случае их ситуативной обусловленности и выраженности комплиментарным вокативом: *Bebsy, Süse, verzeih mir!*).

В целом повышению «статуса» эмотивного смысла социативов способствует увеличение степени «комплектности» высказывания: реализация полной прототипной формулы извинений, поздравлений и пожеланий встречаются в первую очередь в подчеркнуто торжественном или статусно маркированном дискурсе, где важно напомнить, что именно говорящий совершает речевой акт (и выражает тем самым симпатию к адресату), и подчеркнуть, что именно адресат и его жизненная сфера

являются объектом интереса отправителя высказывания. Стратегически важным в ситуациях произнесения социативов является эксплицитное название повода для их произнесения, хотя этот элемент ритуала является избыточным и противоречит правилам речевого общения, предполагающим имплицитное упоминание самоочевидной или хорошо известной информации. Но ритуальное название повода выделяет его значимость, придает высказыванию коммуникативный объем, подчеркивает торжественность ситуации.

Косвенные речевые стратегии, как показал анализ, не пользуются популярностью при совершении социативных речевых актов, поскольку задача говорящего состоит в убеждении адресата в своем благоволении и высокой степени уважения к нему. Вуалирование истинной интенции создает ненужные трудности при решении этой задачи, поэтому партнеры пользуются, как правило, прямыми, недвусмысленными средствами выражения.

В четвертой главе представлены результаты анализа формирования смысла в речевых актах эмоционально-оценочного отношения и эмоционального воздействия, инфлуктивах – речевых актах эмоционального самовыражения, поводом для которого является ощущение говорящим несоответствия адресата и его поведения норме или представлениям говорящего о ней. Анализу подвергаются наиболее интересные и актуальные в межличностной коммуникации речевые акты – комплимент, похвала, инвектива, порицание. Оказывая воздействие на ценностную сферу адресата, они одновременно характеризуют личность самого говорящего, ярко обрисовывают его внутренний мир, его идеалы и антипатии.

Эмоциональное воздействие посредством инфлуктивных речевых актов выполняет, в первую очередь, регулятивную функцию, определяет перспективу действий/поведения адресата на будущее, по крайней мере, ближайшее. Такая прескриптивно дефинированная перспектива может не устраивать адресата и тогда он возражает, рассматривая инфлуктив как

попытку его (адресата) социальной дискредитации (ответной дискредитацией при оскорблении: - *Du, Ratte, Biberl – Du umgekippter Eimer Scheiße!*; несогласием/оправданием в порицании: - *Du gemeiner Kerl! Du wolltest dir das Zeug holen! – Aber nein, Armin! Ich wollte doch nur nachsehen*). Другие инфлуктивы (похвала, искренний комплимент, доброжелательное порицание) конвенционально воспринимаются как попытка усовершенствовать отношения и формы общения партнеров и принимаются с благодарностью. В целом же инфлуктивы отражают систему аксиологических координат языкового коллектива, качество исполнения коммуникантами социальных ролей, взаимоотношения между ними, то есть все то, что имеет отношение к установленным в обществе социальным нормам и процедурам их исполнения.

Инфлуктивы так же, как и социативные речевые акты, полиинтенциональны, реализуемый ими интенциональный комплекс включает как окказиональные, единичные интенции, так и наиболее частотные и потому типизируемые и востребованные в практике общения. Этот комплекс строится с учетом интенциональной иерархии, меняющейся в зависимости от прагматической ситуации, неизменным принципом построения этой иерархии остается доминирование в ней основной интенции.

Рассматривая универсальную модель смысла в ее приложении к инфлуктивным речевым актам, мы видим совершенно иную конфигурацию сцепления ее элементов, чем в социативах, причем смысловое целое всегда находится в динамике, меняет свои очертания в зависимости от типа речевого акта и прагматических условий коммуникации.

В комплименте (например: *Welch ein Genuss ist es, ein richtiges Damenkleid zu sehen! Sie sind ein Inbegriff der Eleganz, Madame!*) абсолютной доминантой является эмотивный смысл, в котором, в свою очередь, в постоянном движении находятся его составляющие – эмоциональный, оценочный и реляционный смыслы, то и дело (в различных прагматических ситуациях) «уступающие» друг другу место на поверхности смыслового

универсума. Пропозициональный и интенциональный смыслы нерелевантны в ситуации комплимента, они подавляются безусловным приоритетом трехглавой эмотивной доминанты и выполняют лишь вспомогательную роль в формировании единого смысла. При непрямом выражении комплимента интенциональный смысл несколько ближе к поверхности, поскольку его хотя бы минимальное проявление важно для идентификации речевого акта адресатом, но при этом его спутниками становятся самые различные непредсказуемые окказиональные смыслы.

Похвала (например: *Das war sehr klug!*), несмотря на ее близость комплименту, представляет совершенно иную композицию элементарных смыслов в единстве. Парой доминант в ней выступают интенциональный и эмотивный смыслы, причем последний четко актуализирует только две из своих составляющих – выражение оценки и отношения говорящего к партнеру, теплого, отеческого или статусного, снисходительно-одобряющего. Пропозициональный смысл – несмотря на свою эксплицированность – является лишь фоном для совершения речевого действия для похвалы, а выражение эмоций является редким и скорее шаблонным, что обусловлено социальными конвенциями общения. Эти два элементарных смысла находятся в периферийной части смыслового целого,

Порядок расположения компонентов в единой системе смыслов инвективных высказываний определяет их иллокутивная цель – попытка осуществления вербальной социальной «казни» адресата (например: *Du Vagabund, du Hurenbock!*). Наиболее востребованными из них является пара интенционального и эмотивного смыслов, первый из которых обусловлен коммуникативным намерением говорящего, а второй, особенно его эмоциональная составляющая, является результатом его эмоционального катарсиса, разрядки возникшей в конфликтной ситуации эмоциональной напряженности. Такое «выпускание пара» происходит чаще всего посредством инвективной оценочной номинации партнера, значит, не менее важными являются два других эмотивных элемента – оценочный и

реляционный смыслы, которые иногда ситуативно бывают несколько «затенены» эмоциональным, Пропозициональный смысл находится на дальней периферии системы, поскольку инвектанта совершенно не заботит истинность содержания высказывания, во главе угла конфликтного общения стоит вербальная агрессия в любом пропозициональном воплощении.

Обращение к компонентам глобального смысла высказываний порицания (*Sie benehmen sich wie ein böser unerzogener Junge, Bernd!*) показывает их удивительное «согласие» при конституировании смыслового универсума – все основные элементарные смыслы действуют в этом процессе единым фронтом, не отставая друг от друга ни на шаг. Ситуативная неэксплицированность некоторых из них не лишает их приоритетного положения в единстве, их важность диктуется всем прагматическим контекстом общения. Существенность пропозиционального смысла в порицании объясняется необходимостью констатации несоответствующего норме/представлениям говорящего положения дел для убеждения адресата в правомерности совершения речевого действия. Высказывания, содержащие только такую констатацию, представляют собой очень действенное эмоциональное порицание, не нуждающееся в специальной экспликации элементов эмотивного смысла. Редуцирование его роли при том же положении эмоционально-оценочного компонента, переводит высказывание в разряд инвектив – ничем не аргументированной эмоциональной отрицательной оценки. Реляционный смысл в высказываниях порицания может характеризоваться как положительным (при направленности порицания близким, в педагогическом контексте), так и отрицательным (в ситуации отсутствия уважения к партнеру) зарядом, что четко демонстрируется выбором говорящим лексических операторов при совершении речевого действия. Однако и в случае неприязни говорящего к партнеру порицание нельзя считать оскорблением, поскольку оно реализует очень важный уникальный элементарный смысл – побуждение к изменению отрицательно оцениваемого положения дел, выполняет регулятивную

функцию, несвойственную инвективе. Третий угол эмотивного «треугольника» – эмоциональный смысл – может несколько менять свое положение в смысловом целом от высказывания к высказыванию, определяя большую или меньшую степень его эмоциональности. Однако выражение эмоций принципиально существенно в рассматриваемых актах, поскольку равнодушное, незаинтересованное порицание теряет свою воздействующую силу и превращается просто в констатацию неблагоприятного положения дел.

Анализ эксплицитной представленности компонентов смысла инфлуктивов приводит к выводу о невербализованности иллокутивной части инфлуктивных высказываний в абсолютном большинстве случаев их употребления (ср.: *Sie sehen sehr hübsch aus, Françoise. Ihre Frisur gefällt mir* – комплимент; *Das hast du gut gemacht. Das war weise von dir!* – похвала; *Freche Luder!* – инвектива; *Du Hornochse! Wie konntest du so unvorsichtig sein!*). Причины имплицитной выраженности интенции различны: в комплиментах перформативы не употребляются, потому что конвенциями межличностного общения порицается чересчур прямолинейная положительная оценка, она рассматривается как нежелательное навязывание близких отношений; в инвективах – потому что агрессивное намерение не принято декларировать, оно должно быть скрыто для адресата; в похвале и порицании интенция не эксплицируется в целях языковой экономии, поскольку речевое действие порицания совершается уже при произнесении пропозициональной части, описание действия посредством перформатива становится избыточным.

Напротив, пропозициональная часть всегда вербально представлена в инфлуктивах и включает выражение говорящим либо оценки объекта (положительной в комплименте и похвале (*Du siehst wunderbar, Emma. Dein Haar gefällt mir; Gut gemacht, Kleine. Das war gekonnt!*)), отрицательной в инвективе и порицании (*Du Anfänger! Du Zittergrasbündel in Hosen!; Sei nicht so frivol, Isabel!*)), либо его отношения к объекту, Эта часть является сутью и

целью произнесения инфлективных высказываний. Без выражения оценки (в большинстве случаев, эмоциональной) эти акты теряют смысл и обречены на прагматическую неудачу. Примечательно, однако, что пропозициональный смысл, даже будучи всегда эксплицирован, играет в целом лишь вспомогательную роль, является лишь материалом, своеобразным гумусом для проращивания ростков эмотивного смысла. Совершенно очевидно, что актуализация пропозиционального, эмоционального, оценочного и реляционного смыслов происходит в инфлективах синкретично, при участии одних и тех же языковых средств разных уровней. Эти средства – операторы порождения и модификации смысла – формируют, с одной стороны, частные смыслы, с другой стороны, своим взаимодействием связывают крупницы смысла в единую субстанцию. Многофункциональность этих операторов (их появление в высказывании создает одновременно несколько различных смысловых слоев) и их позиционирование в разных отрезках высказывания модифицируют общий смысл, «чеканят» его новые лики.

Наиболее важными операторами порождения такого комплекса смыслов являются **лексические** средства (эмоционально-оценочная лексика, междометия, обращения вокативы). Каждый из этих операторов, появляясь в высказывании, несколько «выпячивает», контурирует тот или иной нюанс смысла. Например, оценочные существительные, в которых сема оценки является единственной и составляет основу их номинативного значения, показывает субъективное (положительное в комплименте, похвале и иногда в порицании, отрицательное в инвективе и порицании), часто эмоционально окрашенное отношение говорящего к партнеру: *Barbirolli! Du bist ein Genie!* – эмоциональный комплимент адресату по поводу его умения справиться в сложной ситуации и найти выход из сложившегося положения. В инвективах эмоционально-оценочные существительные материализуют в первую очередь эмоции говорящего, большой спектр субъективно недифференцируемых эмоциональных нюансов. Например, словом *Krüppel* (*Wenn ich gehe, vergrabe ich mich nicht mit einem Krüppel, sondern suche das*

Leben) говорящий – красивая молодая женщина, запутавшаяся в своих отношениях с мужчинами – выражает гамму эмоций (отвращение, презрение, негодование, страх) по отношению к адресату – влюбленному в нее немолодому мужчине, ставшему по ее вине калекой, всеми возможными способами добивающемуся ее внимания.

Оценочные существительные в инфлективных речевых актах часто строятся на основе авторских и языковых метафор, образованных от имен собственных, мифологических героев, известных личностей (в комплименте как, например, *Engel, Madonna* и др.) или от названий животных, наделенных коллективным сознанием отрицательными чертами (в инвективах как, например, *Esel, Hund, Affe, Schwein, Wurm, Ratte* и др.). Они представляют собой своего рода эллиптические сравнения, в которых подчеркивается особенное качество (*tertium comparationis*) – положительно или отрицательно оцениваемое адресатом, объединяющее два сравниваемых лица: в комплименте со словом *Madonna* таким качеством является внешность адресата, сравниваемая, по мнению говорящего, только с красотой мадонны; при употреблении инвективы *Esel* сравниваемой особенностью является глупость, свойственная как называемому животному, так и человеку (*Teddy! Du Esel! = Du bist so dumm und trotzig wie ein Esel!*).

В ситуации эмоционально катарсиса (положительного или отрицательного) инфлективный речевой акт бывает стянут до минимально возможного объема и превращается в таком случае в краткий вокатив – комплиментарный, инвективный, порицательный – высказывание, в особенно концентрированной форме выражающее субъективное отношение говорящего к адресату. Вокативы, строясь по одной модели, выполняют в инфлективных высказываниях разные функции: в комплименте (*Ach du, mein kleines unschuldiges Lämmchen!!*) взаимным переименованием подчеркивается непохожесть адресата на всех остальных, близкий человек поднимается над повседневностью; в порицании (*Sie Lämmel! Sie sind einfach verschwunden!*) вокативы играют вспомогательную роль, сопровождают основное

содержание высказывания, являются его эмоциональным катализатором, сигналом психического состояния говорящего; в инвективах же (*Du Affe!*) вокативы представляют собой основное содержание, их коммуникативное назначение – «ударить» словом, задеть, обидеть. Примечательно, что в похвале вокативы не встречаются, что объясняется, вероятно, тем, что высказывания как *Engel! Schatz!*, выражающие высокую степень эмоциональности, приемлемы скорее в комплиментарном дискурсе или в дискурсе благодарности, но не в похвале, поскольку такая «неприкрытая» восторженность противоречит педагогичности похвалы: похвала на момент ее произнесения создает ассиметричность отношений (в направлении «сверху вниз»), даже при общении равностатусных партнеров.

Прилагательные, благодаря своей чрезвычайной семантической мобильности часто включаются в инфлуктивные высказывания как средство оценки качеств адресата или связанных с ним предметов и явлений (*Ich habe dich beim Reiten beobachtet. Du bist ein guter Reiter*) и как средство интенсификации этой оценки (*Sie sind ein hervorragender Kapitän!*), то есть актуализируют в первую очередь оценочный смысл, непременно «тянущий» за собой эмоциональный компонент смысла. Они употребляются в самых разнообразных сочетаниях с существительными, являясь очень действенными операторами порождения основных, универсальных элементарных смыслов, но одновременно и модифицирующих их в направлении интенсификации, конкретизации или градации их представленности в единстве. В инвективах, например, прилагательные отрицательной оценки (*verdammt, verflucht, dreckig, gemein, blöd, beschissen* и др.) сопровождают не только существительные с системно-нейтральным значением, но и оценочные инвективные существительные, усиливая силу воздействия оскорбления, увеличивая его инвективную «этажность», показывая высокую степень возбуждения: *Du hinterhältiges Miststück! Sauker!* Общим выводом из анализа функционирования оценочных имен в различных видах инфлуктивных актов является следующий:

существительные, отражая оценочно-ценностные представления о человеке как носителе определенных качеств, являются часто единственным оператором порождения целого «пучка» элементарных смыслов в инфлюктивных речевых актах: они выражают пропозициональное содержание и одновременно катализируют эмоционально-оценочное отношение говорящего к партнеру. А оценочные прилагательные характеризуют человека не собственно как цельный объект, а указывают на непостоянный признак, то есть не несут в себе постоянных категориально-оценочных значений, и являются поэтому чаще всего модифицирующим оператором, добавляющим «цвет» при выражении элементов эмотивного смысла.

Оценочные глаголы как операторы порождения компонентов эмотивного смысла играют в инфлюктивах менее важную роль по сравнению с существительными или прилагательными, поскольку глагол выражает такие значения, которые отражают характер действия, особенности протекания оцениваемого процесса. Но немногочисленность оценочных глаголов не мешает им актуализировать дополнительные смысловые нюансы, «высвечивать» некоторые новые грани смыслового целого. Например, в комплименте они отражают субъективную оценку и тем самым солидаризирующее действие самым особым образом, поскольку глагол прямо связан с личностью говорящего – это он является лицом, которое ощущает, имеет эмоции: *Ich habe seit Monaten nichts mehr so genossen* – говорящий, измученный скандалами и затянувшимся бракоразводным процессом с бывшей супругой, испытывает необыкновенный психологический комфорт в обществе старого друга. Его высказывание – комплимент изысканному ужину – является одновременно благодарностью за поддержку и понимание и выражение всего комплекса обуревающих его в связи с последними событиями эмоций.

Наиболее важную роль при актуализации эмотивного смысла оценочные глаголы играют в речевых актах порицания, где они

представляют собой эмоционально-оценочные номинации поведения: *Du bist erst siebzehn und treibst es schon derartig mit Weibern*. Они называют некое действие, смысл которого не сводится к непосредственному содержанию этого действия, а выражает определенную установку по отношению к партнеру. Мерками отрицательной оценки поведения являются общечеловеческие установления, осуждаемыми являются, например, супружеская измена, безделье, лень, пустое времяпрепровождение и др. Поэтому отрицательно-оценочными глаголами поведения являются соответственно *ehebrechen, peinigen, das Leben vergallen, belügen, Leid antun, meckern, quatschen, herumtreiben* и под. В своем подавляющем большинстве эти глаголы являются эмоционально маркированными словами с богатым набором коннотативных значений.

Исследование показало, что прагматический контекст может приписывать поведенческий смысл практически любому глаголу и привычные действия при определенных обстоятельствах переосмысливаются как отрицательно или положительно оцениваемые, примером чему может служить следующее высказывание самопорицания, где контекст превращает обычные глаголы *trinken, rauchen, arbeiten* в поведенческие: *Von mir gibt es nicht viel Gutes zu sagen. Ich trinke zuviel, rauche zuviel, ich arbeite zuviel. Ich vernachlässige meine Familie*. Но и здесь, как и в любом высказывании, влияние контекста поддерживается знаками-указателями, определяющими конфигурацию смыслового целого: на необходимость категоризации глаголов этого высказывания в терминах поведения указывает его вводная часть, в которой говорящий обобщает особенности своего образа жизни, давая ему отрицательную оценку (*nichts Gutes*), он заранее направляет восприятие адресата, фокусирует его внимание на минусах – типичная стратегия самопорицания. Свидетельством выражения оценочного смысла и интенции самопорицания является употребление квантификатора *zuviel* (превышение нормы порицается!). И, наконец, последнюю точку при порождении смысла приведенного

высказывания ставит глагол *vernachlässigen*, структура значения которого включает отрицательную оценку как один из ядерных, интенциональных компонентов – пренебрежение семьей рассматривается социумом как отрицательный стереотип поведения.

Исключительно важная роль лексических операторов при порождении эмотивного смысла инфлуктивных высказываний подтверждается в реферируемом исследовании анализом многочисленных примеров, показывающих изменение общей конфигурации смысла высказывания при включении в него даже минимальной лексической единицы, «высвечивающей» самые разнообразные, порой неожиданные грани смысла.

Исключительно важную роль при актуализации эмотивного смысла инфлуктивных высказываний играют синтаксические операторы (эмфатический порядок слов, эллипсис, различного рода повторы). Анализ синтаксических структур, используемых для выражения инфлуктивов, позволяет сделать вывод об определенной доле формальности этих речевых актов – существует конечное число прототипических инфлуктивных синтаксических моделей. Однако наличие большого количества вариантов (с нейтральным и эмфатичным порядком слов, с различной степенью представленности членов предложения и т.д.) дает очень весомый аргумент в пользу рассмотрения большинства инфлуктивов как искренних речевых актов положительной или отрицательной оценки партнера.

Наиболее формальным в синтаксическом отношении является речевой акт похвалы, часто ограничивающийся клише *Gut gemacht!* или подобными ему моделированными формулами одобрения. Однако интересно заметить, что отсутствие референциальной отнесенности в таких высказываниях, как правило, компенсируется включением обращения как социального «поглаживания», прикосновения словом (*Ausgezeichnet beobachtet, Matzuoki!, Wohl gesprochen, gute Bauernfrau!*). Обращением говорящий приближает себя к адресату, уменьшает ситуативно-статусный разрыв между собой и партнером.

Наименее формальными являются речевые акты порицания, показывающих огромное разнообразие синтаксических моделей, лежащих в их основе, – от эллиптических вариантов, выражающих концентрированную эмоциональную оценку, аффект (*Sauerei! Mistloch!*) и экскламативных фразеологизированных высказываний с типизирующими словами *welch, solch, dieser, was für ein* и т.п. (*Oh, welch ein Tor bin ich doch gewesen!*) до многословных речевых актов с полипредикативной синтаксической основой, части которой строятся по разным моделям, переплетающимся между собой. Особую эмоциональность порицанию придает инверсия – говорящий в состоянии эмоционального подъема или напряжения начинает свою речь с самого главного (*Viel zu weich bist du!*), – часто сочетающаяся с разного рода повторами, которые поддерживают аффект, усиливают его (*Belogen hast du mich! Deinen Vater und deine Mutter belogen! Wegen eines Weibstücks!*).

Анализ синтаксических структур инфлуктивов свидетельствует о большой эмотивной плотности большинства из них: в них по-разному варьируется комбинация средств выражения эмоциональной оценки – «приписанные» инфлуктивам синтаксические конструкции наполняются определенной лексикой, эта «смесь» «приправлена» специальным порядком слов и особой интонацией.

Самым важным «проявителем» истинной роли того или иного смыслового компонента является ситуативный контекст, который может инвертировать эксплицированный смысл высказывания, «вывернуть» его наизнанку. Не меньшее значение имеет прагматическая компетенция говорящего (его умение определить уместность/неуместность знака в тех или иных условиях общения), благодаря которой комплимент не превращается в грубую лесть, порицание не превращается в оскорбление. Недостаточная прагматическая компетенция говорящего и, следовательно, выбор неправильной стратегии речевого акта приводит к прагматическим провалам и неадекватной коммуникативному намерению реакции.

Важным элементом в конституировании инфлективного речевого акта, его смысла является ситуативный, окказиональный смысл, создаваемый отдельными элементами высказывания, присоединяющими в дискурсе уникальные смысловые компоненты, отсутствующие у них в изолированном виде. Высказывание, задуманное как комплимент, но произнесенное в неподходящий момент, в неподходящей ситуации, может быть воспринято адресатом как порицание или, более того, как оскорбление.

В ходе анализа было выявлено, что существует большая категория косвенных экспрессивных высказываний, легко узнаваемых и скрытых, завуалированных, при которых адресат вынужден искать скрытый смысл и причину отклонения от рационального общения. Косвенные высказывания являются оригинальным способом выражения смысла, дающим говорящему неисчерпаемые возможности успешно варьировать реализацию его нюансов и различных прагматических значений. При этом действует закономерность: чем меньшей речеактовой информативностью обладает высказывание, тем более оно иллюкутивно.

В заключении обобщаются результаты анализа, подводятся итоги исследования, очерчиваются контуры общей модели смысла для двух групп экспрессивных речевых актов, определяемые доминированием в ней того или иного элементарного смысла.

В общей модели смысла этикетных высказываний на переднем плане находятся интенция и эмотивное отношение говорящего к адресату, оценка является фоном для реализации интенции, а пропозиция – поводом для выражения почтения, уважительного отношения к адресату; эмоциональный компонент иногда совсем нейтрализован, «законсервирован» и находится в самом дальнем «углу» модели, готовый, однако, по первому требованию изменить свою позицию и выйти на передний план, составив партнерскую пару интенциональному смыслу (в случае, например, искреннего, эмоционального пожелания).

Модель смысла инфлуктивных высказываний трансформируется таким образом, что в ней превалирует оценка, амальгамированная с эмоциональным компонентом и реляционным смыслом. Второй доминантой в смысловом целом инфлуктивов является интенциональный смысл, практически никогда не эксплицируемый, но не теряющий, тем не менее, своей актуальности: коммуникативное намерение предполагается выражением эмоциональной оценки. Пропозиция в инфлуктивах представляет собой лишь средство реализации основной интенции – оказать эмоциональное воздействие, она является, таким образом, поводом, материальной основой для «надстройки» на ней эмотивного смысла.

В самом общем виде итог проведенного исследования сводится к подтверждению справедливости идеи о многосоставной динамичной (конституируемой) сущности феномена смысл, актуализация различных потенциалов которого определяется прагматической ситуацией и специальными языковыми средствами, находящимися в распоряжении говорящего и слушающего. Высказывания, реализующие экспрессивные речевые акты, являются ярким доказательством валидности такой трактовки, позволяющей раскрыть возможности языковых единиц при реализации любых замыслов говорящего в актах речи, оттенить нюансы человеческой мысли. Новый, нетрадиционный взгляд на смысл языкового выражения значительно расширяет рамки лингвистики, которая на современном этапе развития занимается не только изучением языковых значений и структур, но и ментальной основой для их создания и функционирования. С другой стороны, смысл тоже становится объектом лингвистической науки, поскольку именно порождение и восстановление смысла является целью речевой и мыслительной деятельности человека.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях автора:

1. Экспрессивные речевые акты: Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография. - СПб.: ВВМ, 2008. – 371 с. (21, 56 п.л.).
2. Штрихи к портрету социативных речевых актов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – Сер. Гуманитарные и общественные науки. - № 8 (34). – 2007. – С. 64-71 (1,3 п.л.).
3. «Настоящим оскорбляю...» (косвенные инвективные речевые акты) // Вестник ЛГУ им. А.И. Пушкина. – Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Пушкин: ЛГУ, 2007. – С. 38-44 (0,7 п.л.).
4. Речевой акт комплимента // Известия СПбГУ ФинЭк. – № 1 (53). – СПб.: СПбГУ ФинЭк, 2008. – С. 80-88 (1,3 п.л.).
5. Интенциональный смысл высказывания и средства его реализации // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – Сер. Филология. - № 2 (13). – Пушкин: ЛГУ, 2008. – С. 19-36. (1 п.л.).
6. Преодоление конфликта // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – Сер.: Общ. и гуманит. науки. – №11 (75). – СПб.: РГПУ, 2008. – С. 50-57 (0,8 п.л.).
7. Эмотивный смысл высказывания и средства его актуализации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – Сер.: Общ. и гуманит. науки. – № 11(78). – СПб.: РГПУ, 2008. – С. 154-161. (0,8 п.л.).
8. «Mein Kompliment...». Языковое воплощение речевого акта комплимент // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – № 11 (72). – СПб.: РГПУ, 2008. – С. 112-124 (1,3 п.л.).
9. Оценочные глаголы в порицании // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – Сер.: Общ. и гуманит. науки. – № 12 (84). – СПб.: РГПУ, 2008. – С. 175-181. (0,8 п.л.).
10. Модальные глаголы как иллокутивные индикаторы // Язык, литература, культура: диалог поколений: Мат. междунар. научн. конф. – М.-Чебоксары, 2004. – С. 40-45.

11. Комплимент как речевой акт в немецкой культуре // *Linguarum terra* 2004: Сб. науч. тр. – Чебоксары, 2004. – С. 3-8 (0,3 п.л.).
12. Смысловая многоплановость высказывания // Проблемы современной филологии и лингводидактики: Сб. науч. тр. – СПб.: РГПУ, 2006. – С. 103-108 (0,6 п.л.).
13. Лингвистический аспект экспликации эмоций // Языки и межкультурная коммуникация: актуальные проблемы филологической науки: Мат. науч. конф. – Пушкин: ЛГУ. – 2006. – С. 82-85 (0,4 п.л.).
14. Полиинтенциональность речевых актов извинения // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. - № 2. – СПб., 2006. – С. 56-60 (0,3 п.л.).
15. Речевые акты пожелания в немецком языке // *Homo ludens* как отражение национальной культуры и социального варьирования языка: Матер. междунар. научно-практ. конф. – СПб.: НИЯК., 2006. – С. 443-447 (0,5 п.л.).
16. Стратификация смысла высказывания (на примере социативных речевых актов) // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Сб. науч. тр. – Иркутск: БГУЭП, 2006. – С. 203-211 (0,5 п.л.).
17. Модальные слова и частицы как иллокутивные индикаторы // *Linguarum terra* 2006: Сб. науч. тр. – Чебоксары: ЧГПУ, 2006. – С. 24-34 (0,6 п.л.).
18. Речевые акты пожелания в диалогическом дискурсе // Актуальные проблемы германистики и романистики. – Вып. 10. – Ч. 2. – Смоленск: СГУ, 2006. – С. 137-145 (0,7 п.л.).
19. Речевые акты извинения в диалогическом дискурсе // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Вып. 4. – Орел: ОГИИК, 2006. – С. 122-130 (0,75 п.л.).
20. Эмоциональный концепт «страх» и средства его реализации в немецком языке // Герценовские чтения 2006: Тез. науч.-пр. конф.. – СПб.: РГПУ, 2006. – С. 72-73 (0,2 п.л.).

21. Речевой акт благодарности в немецкой разговорной речи // Научно-информационный вестник докторантов и аспирантов ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. - № 6. – 2006. – С. 105-113 (0,6 п.л.).
22. Экспрессивные речевые акты // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. - № 2 (49). – 2006. – С. 144-149 (0,6 п.л.).
23. Прагматика соболезнования. Речевой акт соболезнования в немецком языке // Матер. междуна. научно-пр. конф. – Чебоксары: ЧГПУ, 2006. – С. 57-59 (0,4 п.л.).
24. Поздравление как социативный речевой акт // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: Межвуз. сб. науч. ст. – Вып. 1. – Тамбов: ТГТУ, 2006. – С. 512-515 (0,3 п.л.).
25. Лингвистическая характеристика инвективы // Альманах современной науки и образования: Матер. межвуз. сб. науч. тр. – Ч. 2. – Тамбов: Грамота, 2007. - С. 296-297 (0,3 п.л.).
26. Грамматика инвективы // Научно-информационный вестник докторантов и аспирантов ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. - № 7. – 2007. – Чебоксары, 2007. – С. 76-85 (0,8 п.л.).
27. Прагматика инвективных речевых актов // Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения: Междунар. сб. науч. тр., – Екатеринбург: Институт иностранных языков, 2007. – С. 198-203 (0,6 п.л.).
28. Речевой акт комплимента: прагматический анализ // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. - № 3 (51). – Чебоксары, 2007. – С. 82-92 (0,9 п.л.).
29. Дискурс комплиментарной оценки // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Вып. 5. – Орел: ОГИИК, 2007. – С. 103-111 (0,75 п.л.).
30. Косвенный комплимент // Язык и общество: проблемы, поиски, решения: Мат. междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: НИЯК, 2007. – С. 173-179 (0,4 п.л.).

31. Настоящим делаю вам комплимент // Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам и переводу в вузе: Тез. междунар. научно-практ. конф. - М.: РУДН, 2007. – С. 176 (0,1 п.л.).

32. Смысловая структура высказывания // Герценовские чтения 2007: Тез. науч.-практ. конф. – Спб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – С. 103-105 (0,2 п.л.).

33. Речевой акт похвалы: прагматический анализ // Актуальные проблемы германистики и романистики: Мат. науч.-практ. конф. – Вып. 11. – Ч. 2. – Смоленск: СГУ, 2007. – С. 61-71 (0,7 п.л.).

34. Экспликация похвалы: лингвистический и прагматический аспекты // Лингводидактические аспекты межкультурной коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. - Спб.: БАТиП, 2007. – С. 109-114 (0, 6 п.л.).

35. Косвенные речевые стратегии похвалы // Проблемы современной филологии и лингводидактики: сб. науч. тр. – Спб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – С. 62-66 (0,4 п.л.).

36. Языковые средства реализации речевого акта похвалы // Языковые контексты: структура, коммуникация, дискурс: Мат. межвуз. науч. конф. – М.: Воен. Университет, 2007. – С. 91-100 (0,75 п.л.).

37. Грамматика похвалы: Языковые средства реализации речевого акта похвалы // Альманах современной науки и образования. - № 3(№). – Ч. 3. - Тамбов: Грамота, 2007. – С. 228-231 (0,6 п.л.).

38. Смысл высказывания (на примере экспрессивных речевых актов) // Восьмые поливановские чтения: Сб. статей. – Ч. 1: Проблемы социолингвистики. Лексика и фразеология. – Смоленск: СГУ, 2007. – С. 23-27 (0,3 п.л.).

39. Янус-высказывания или многоликость порицания // Проблемы современной когнитологии и семантики: Сб. науч. ст. по м-лам Всеросс. науч.-пр. конф. «Язык, литература и межкультурная коммуникация». – Чебоксары: ЧГПУ, 2007. – С. 55-63 (0,5 п.л.).

40. Речевой акт порицания // Язык и общество: проблемы, поиски, решения: Мат. междунар. науч.-пр. конф. – СПб.: НИЯК, 2008. – С. 44-48 (0,4 п.л.).

41. Порицание в диалогическом дискурсе // Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам и переводу в ВУЗе: Мат. междунар. конф. – М.: РУДН, 2008. – С. 87-89 (0,4 п.л.).

42. Перформативное порицание // Язык и культура: Мат. V междунар. науч.-пр. Интернет-конф. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2008. - (0,3 п.л.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ucs-ustu.ru/go/obj0686237613/obj0199829812/obj0883957980>

43. Оценочные существительные в порицании // Язык. Культура. Коммуникация: Мат. междунар. науч. конф. – Ульяновск: УГУ, 2008. – С. 68-71 (0,5 п.л.).

44. Порицание в аспекте социального статуса // Общетеоретические и практические проблемы языкознания и лингводидактики: Мат. междунар. науч.-пр. конф. – Екатеринбург: РГППУ, 2008. – С. 74-79 (0,3 п.л.).